

а девушки — три, четыре, пять и больше. Косы украшали подкосниками. В работе дано описание многих их видов, от самых примитивных, состоящих из шерстяных шнурков (Матча, Ягноб, Фандарья), до украшенных бисером (Куляб, Дарваз, Варзоб) и пышных подвесок из черных крученных шелковых нитей с нашитыми на них серебряными пластинами (Пенджикент и его окрестности).

Чрезвычайно интересна глава «Украшения и косметика». Большое внимание в ней уделено изделиям местных мастеров *заргар*, пользующимся большим спросом наряду с фабричными ювелирными изделиями. Такие традиционные ювелирные украшения, сделанные этими мастерами, как браслеты, броши, кольца, серьги, налобные и височные подвески, ожерелья из кораллов с монетами и др., считаются обязательными для наряда невесты.

Немало страниц отведено косметике, которая издавна применялась женщинами. В работе подробно описана технология приготовления некоторых видов косметических средств. В настоящее время наряду с народными косметическими средствами все шире используются фабричные: духи, пудра, кремы.

Последняя глава монографии «Обрядовая одежда» посвящена описанию свадебной и траурной одежды горянок, в которой сохранились наиболее древние, реликтовые черты. Они прослеживаются и в выборе ткани для этой категории одежды, и в ее расцветке, и в покрое. Наряду с описанием обрядового костюма в книге кратко охарактеризованы и основные моменты свадебного и похоронного обрядов.

Рассматривая свадебную одежду невесты, автор довольно подробно описывает три ее комплекта: 1) одежда во время совершения обряда бракосочетания — *никох*; 2) одежда невесты при переезде в дом мужа и 3) одежда невесты-новобрачной в доме мужа. При этом З. А. Широкова характеризует локальные различия свадебных костюмов невест в разных районах республики в прошлом и в настоящее время.

Специальный раздел последней главы посвящен траурной одежде. Как известно, медленнее всего изменяется погребальный обряд. В знак траура во всех горных районах женщины не носили украшений, не применяли косметики, а в долине Зеравшана в течение определенного времени не мыли головы, не меняли и не стирали одежду. Траурную одежду носили только в некоторых нижних селениях Зеравшанской долины, в Пенджикенте, в некоторых местах Центрального Таджикистана (Каратаг, Гиссар).

Несомненный интерес представляют приведенные в работе таблицы, чертежи и фото. Работа снабжена указателем терминов.

Сделанные нами отдельные замечания не изменяют общей высокой оценки монографии З. А. Широковой. Книга является крупным вкладом в изучение одной из основных форм материальной культуры таджиков и послужит незаменимым источником при составлении карт по одежде для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Материал, содержащийся в ней, представляет несомненный интерес не только для этнографов, историков и археологов, но и для социологов, искусствоведов и вообще широкого круга читателей.

М. А. Хамиджанова

Ф. Х. Валеев. Архитектурно-декоративное искусство казанских татар. Сельское жилище. Йошкар-Ола, 1975, 92 с., илл.

Архитектурно-декоративное искусство татар Среднего Поволжья имеет богатую историческую традицию. Оно развивалось и совершенствовалось из поколения в поколение, и опыт строителей прошлых лет использовался в творениях последующих мастеров. Сохранившиеся до наших дней памятники сельского деревянного зодчества XVIII—XIX вв. свидетельствуют о высоком техническом и художественном мастерстве строителей, о глубоком знании ими материала, бытовых и географических особенностей района. Изучение этого богатого наследия имеет большой научный и практический интерес и, естественно, каждая новая книга о татарском сельском зодчестве привлекает внимание читателей. В полной мере это относится и к рецензируемой книге Ф. Х. Валеева. Как известно, после выхода в свет работ М. Г. Худякова¹, П. М. Дульского², Н. И. Воробьева³ и других, описавших национальные особенности деревянной архитектуры и приемы украшения сельских жилищ казанских татар, прошло довольно много времени, в течение которого сделаны дальнейшие шаги в изучении данного вопроса. Исторические решения XXV съезда КПСС призывают строителей возводить добротные,

¹ М. Г. Худяков. Деревянное зодчество казанских татар. — «Казанский музейный вестник», 1924, № 1.

² П. М. Дульский. Искусство казанских татар. М., 1925.

³ Н. И. Воробьев. Жилища и поселения татар Арского кантона ТАССР. — «Вестник Научного общества татароведения», № 4, Казань, 1926; *его же*. Украшение и внутреннее убранство крестьянских жилищ народов Среднего Поволжья. — «Известия Казанского филиала АН СССР», сер. гуманитарных наук, вып. 2, Казань, 1957.

красивые дома⁴. Вряд ли кто-либо станет отрицать необходимость использования в практике современного сельского строительства опыта мастеров прошлого и настоящего. В этом отношении книга Ф. Х. Валеева представляется весьма нужной и своевременной. Она адресована не только ученым-исследователям, но и практикам-архитекторам, а также мастерам-строителям.

Книга Ф. Х. Валеева посвящена изучению татарского народного зодчества, системе декорирования и средствам украшения жилища и их эволюции. Хронологический диапазон работы очень широк — от раннебулгарского до настоящего времени. В соответствии с этим книга делится на четыре раздела: «Несколько из прошлого», «Сельские постройки конца XVIII — середины XIX вв.», «Сельские постройки второй половины XIX — начала XX в.», «Сельские постройки советского периода».

Народное зодчество татарского народа понимается автором как явление национальной культуры (художественной и материальной), все время находящейся на пути поступательного развития.

Анализируя памятники народного зодчества и средства их архитектурно-декоративного оформления, Ф. Х. Валеев во всех главах книги подводит читателей к мысли о преемственности булгарского и казанско-татарского зодчества. Поэтому не без интереса читаются страницы, посвященные описанию полихромной раскраски жилищ и построек усадьбы, отдельных архитектурных форм (фронтонные ниши, декоративные колонки, балконы), раскрытию своеобразия в расположении жилищ и т. д. Живо и со знанием дела автор прослеживает национальные черты в приемах украшения жилищ резьбой (выемчатой, глухой, накладной), в характере орнамента, цветовом колорите и т. д. (стр. 32, 36, 39 и др.). В книге освещается также вопрос о влиянии городской классической архитектуры на сельское деревянное зодчество (стр. 30). Хотя работа в целом искусствоведческого характера, но выполнена она на широком историко-этнографическом фоне.

Изменения, происходившие и происходящие в архитектурно-декоративном оформлении построек советского периода, объясняются автором качественно новыми условиями труда и быта народа. Подчеркивается постоянное развитие и обогащение сельской архитектуры не только современными формами и художественными средствами, но и новым содержанием, в соответствии со спецификой национальной культуры народа, его происхождения, художественного мышления, быта (стр. 55, 60, 64 и др.).

Книга богато иллюстрирована рисунками и фотографиями автора, снабжена справочной литературой.

К сожалению, приходится отметить, что не весь материал книги равноценен. Прежде всего вызывает недоумение несоответствие названия содержанию. Название книги нацеливает читателей на знакомство с архитектурно-декоративным искусством сельского населения казанских татар в целом. Однако Ф. Х. Валеев использует данные лишь по небольшой части Татарской республики — по районам так называемого Заказанья. Между тем во введении сообщается, что в основу работы легли материалы, собранные практически во всех районах Татарстана и за его пределами (стр. 7). Однако никаких сведений об архитектурно-декоративных особенностях жилищ других групп татар, проживающих как на территории ТАССР, так и за ее пределами, книга не содержит, кроме разве указаний на особенности мечетей (стр. 44), отсутствие полихромии и распространности пропильной резьбы в Правобережье республики (стр. 68). Согласимся, что, основываясь лишь на этих сравнениях, нельзя представить цельную картину архитектурно-декоративного украшения сельских жилищ казанских татар.

Как известно, в современной этнографической науке все большее признание получает метод сплошного обследования всей территории расселения народа. Это дает возможность конкретно судить, какие элементы культуры и в какой степени связаны с этносом. О результативности такого метода говорят, например, разработанные и разрабатываемые в настоящее время национальные и региональные историко-этнографические атласы, в том числе и подготавливаемый сотрудниками Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР «Историко-этнографический атлас татарского народа». Работа над атласом свидетельствует, что материалы по Заказанью нельзя распространять на всех казанских татар, так как в различных местах их расселения существовало большое разнообразие сельских усадеб, типов жилищ как в планировочном, конструктивном, так и в архитектурно-декоративном плане. Рецензируемая работа, к сожалению, не учитывает этого, в результате в ней содержится ряд ошибочных положений и неверных интерпретаций фактов. Так, на наш взгляд, вызывает сомнение правомерность локализации характера архитектуры и декоративного убранства сельских жилищ казанских татар по территории их проживания: 1) Заказанье, 2) юго-восточные и восточные районы современного Татарстана, 3) Правобережье республики (стр. 20). Локализация особенностей двух последних районов не подтверждается фактическим материалом. Далее автор пишет, что «архитектура и характер декорировки жилых построек других районов современного Татарстана отражает в той или иной степени архитектурно-декоративные особенности вышеприведенных локальных районов» (стр. 20). Однако без подробной характеристики локальных архи-

⁴ «Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXV съезде Коммунистической партии Советского Союза». «Материалы XXV съезда КПСС». М., Политиздат, 1976, с. 41.

тектурно-декоративных особенностей юго-восточных, восточных районов и Правобережья ТАССР вряд ли правомерно сравнение их с особенностями других районов ТАССР, тем более, что о характере архитектуры и декора жилищ в книге ничего не говорится. Утверждение Ф. Х. Валеева о том, что «архитектуре и декоративному убранству построек Заказанья почти аналогичны жилища и деревянные мечети татарских сел и деревень Параньгинского района Марийской АССР, постройки Глазовской и Базелинской групп татар Удмуртской АССР, Каринской и Малмыжской групп татар Кировской области» (стр. 20), по нашему мнению, можно принять лишь с серьезными оговорками. Материалы, собранные для «Историко-этнографического атласа татарского народа», свидетельствуют о существовании целого ряда особенностей в усадьбах и жилищах параньгинских, глазовских, базелинских, юкаменских, каринских татар. Особенности эти проявляются как в конструкции усадеб и жилищ, так и в их расположении, планировке, типах, с которыми непосредственно связаны и архитектурно-декоративные средства оформления. Так, например, в конце XIX в. традиция располагать жилище внутри усадьбы и ставить перед домом забор с ажурными решетками была типична лишь для узкого региона Заказанья; в отдельных местах Восточного Закамья усадьбы с аналогичным расположением жилищ огороживались глухой оградой. Во всех других районах ТАССР, а также у нукратских, базелинских, юкаменских, глазовских, параньгинских татар, за редкими исключениями, дома ставились на линии улицы и, естественно, перед ними не ставили ажурных решеток. Примечательно, что эта специфика дополнялась другой — отсутствовали полихромная раскраска, оформление фронтонов домов нишами с балконами, редко или совсем не применялась пропиленная резьба. В отличие от характерных для татар Среднего Поволжья дворов открытого типа у каринских татар преобладали дворы закрытого типа, и поэтому оформление передней части усадьбы отличалось от усадеб Заказанья.

В жилищах татар, живущих к северу от границ ТАССР, имелись и некоторые конструктивные особенности, придающие их архитектурному облику определенное своеобразие: большая высота сруба (14—16 и более венцов), высокие подполья, иногда перераставшие в подклети с отдельными входами со двора, а также нависающие над срубом на 1—1,5 м широкие скаты тесовой крыши, которые у юкаменских и базелинских татар всегда оборудовались массивными деревянными желобами для стока воды. Отдельные жилища указанных групп татар до недавнего времени сохраняли самцовую конструкцию крыши; фронтоны, как правило, наглухо зашивались досками. Кроме того, жилище каринских и глазовских татар имело закрытую или полузакрытую террасу, тянущуюся от крыльца по боковой и задней стенкам сеней, в конце ее находилось помещение для омовений. У каринских татар бытовали, а в отдельных деревнях и преобладали одно- и двухэтажные дома-крестовики, совершенно не строившиеся в других местах расселения татар (за исключением Касимова). Такого рода сопоставления можно было бы продолжить и по другим группам казанских татар. Однако и приведенный материал позволяет говорить о заметных различиях между жилищами татар Заказанья и вышеуказанных групп казанских татар. Заметим, что этнографическая и архитектурно-декоративная специфика сельских жилищ татар Заказанья была освещена, как отмечалось выше, в ряде работ предшествующих авторов. Между тем сведения о сельском жилище других групп казанских татар, особенно расселенных вне пределов Татарской республики, практически отсутствуют. Этот существенный пробел, к сожалению, не восполняет и книга Ф. Х. Валеева.

Имеются в работе и некоторые погрешности частного порядка, относящиеся в основном к несколько вольной трактовке некоторых археологических и этнографических материалов. Так, автор, выделяя в развитии народного зодчества казанских татар несколько этапов, безоговорочно утверждает, что «наиболее древний этап, так называемый раннебулгарский период (VII—X вв.). Это — время появления в крае первых тюркоязычных насельников из прикамско-приуральских степей и Приазовья» (стр. 8). Как известно, это мнение в свое время было высказано А. П. Смирновым, который в первых тюркоязычных пришельцах на территории Волго-Камья видел булгар⁵. В свете новых археологических открытий ряд исследователей считают, что проникновение тюркоязычных племен в Среднее Поволжье началось задолго до булгар на рубеже IV—V вв., а собственно булгарских племен — в середине VIII в.⁶ Аналогичное упущение наблюдается и в разделе «Сельские постройки XVIII — середины XIX в.», где автор объясняет булгарской традицией обычай татар располагать свои дома за

⁵ А. П. Смирнов. Об археологических культурах Среднего Поволжья. — «Сов. археология», 1968, № 2, с. 66.

⁶ В. Ф. Генинг. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э. — «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1962, с. 334 сл.; Н. А. Мажитов. Об этническом составе населения Северной Башкирии в конце I тыс. н. э. — «Итоговая научная сессия Ин-та истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР за 1967 год». 1968, с. 49; П. Н. Старостин. Памятники именновской культуры. — «Свод археологических источников», Д1—32. М., 1967, с. 29; А. Х. Халиков. Происхождение татарского народа (на татар. яз.). Казань, 1974, с. 16—30; его же. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. — «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971, с. 9, 15 сл.

оградой — в глубине усадьбы (стр. 24). На этот счет существует и иная точка зрения. В частности, А. А. Шенников указывает, что усадьба с домом посреди двора имела не только у татар, но как пережиточный тип была распространена в XV—XVIII вв. у крестьян всех народностей южной половины Европейской России⁷.

Ряд ошибок в освещении жилого строительства в раннебулгарский период (VII—X вв.) имеется и в разделе «Несколько из прошлого». В частности, Ф. Х. Валеев отмечает наличие на Жукотинском городище (VII—X вв.) раннебулгарских отдельных каменных сооружений (стр. 8). Но археологическими материалами это не подтверждается. Так, раскопки, произведенные Т. А. Хлебниковой в 1970—1972 гг., показали, что г. Джуке-Тау (Жукотин) существовал на протяжении всего домонгольского периода, но в начальные этапы был сравнительно невелик и не очень плотно застроен. В нижнем раннебулгарском горизонте открыты 12 построек, представленных жильными и хозяйственными сооружениями: землянками, наземными срубными и глинобитными домами, но ни одного каменного⁸. Очевидно, отдельные каменные сооружения в Жукотинском городище, о которых пишет Ф. Х. Валеев, основываясь на работе А. П. Смирнова⁹, относились к более позднему времени, чем раннебулгарское. Кстати, и А. П. Смирнов в своей работе писал, что г. Жукотин «по всем данным, археологическим и историческим, относится главным образом к монгольской эпохе»¹⁰.

Вызывает возражение также описание автором дворца гунского вождя Атиллы, строительство которого он приписывает приазовским булгарам (стр. 8). Такая точка зрения отнюдь не правомерна. Ведь гунский царь мог жить во дворце местной или византийской знати. К тому же приазовские булгары VIII—IX вв., как показывают материалы салтово-маяцкой культуры, жили в юртах, полуземлянках и наземных тростниковых и глинобитных домах¹¹. Традиция строительства наземных срубных домов у них не зафиксирована. Поэтому строительные традиции ранних булгар вернее было бы искать не во дворце гунов, а в общих для приазовских и волжских булгар массовых типах древних жилищ.

К сожалению, хотя книга вышла в 1975 г., автор использует в основном работы, опубликованные до 1970 г. Так, он пишет, что «от памятников архитектуры домонгольского периода до нас почти ничего не дошло, если не считать полуразрушенную так называемую «Чертову» башню возле г. Елабуги, остатки Суварского дворца-усадьбы и караван-сарая в Биляре» (стр. 9). На Билярском городище в 1971—1972 гг. изучены фундаменты и цокольная часть еще одного кирпичного здания, а в 1973—1975 гг. — обширный комплекс деревянной и каменной мечетей X—XIII вв. В Муромском городке и на городище «Хулаш» исследованы остатки кирпичных построек, а на Джуке-Тау, как было отмечено выше, — жилые и хозяйственные сооружения. По всем этим материалам имеются соответствующие публикации.

Приведенная в книге на рис. 1 (стр. 9) реконструкция Г. Б. Щукина выполнена на материалах раскопок слоев Булгарского городища золотоордынского периода¹². Ф. Х. Валеев считает, что рисунок дает реконструкцию жилища раннебулгарского периода. Все это можно объяснить лишь слабым знакомством автора с археологическими материалами. Этим же объясняется и утверждение, что «дома булгар имели почти квадратную в плане форму... Отопление изб было по-черному» (стр. 11). Широкие археологические исследования домонгольских поселений (Билярское, Суварское, Хулашское и другие городища) показали, что для булгар характерны прямоугольные наземные дома с печами, топившимися преимущественно «по-белому». Все эти данные, как и сообщение о том, что у булгар в домонгольское время имелись «жилые постройки, стены которых были сложены из больших глиняных блоков» (стр. 11), даются автором со ссылкой на указанную статью А. П. Смирнова и И. Я. Мерперта, которые описывают постройки золотоордынского времени.

Автор не освещает существующие в этнографической литературе точки зрения, расходящиеся с его толкованием некоторых явлений сельской архитектуры. Поэтому непосвященному читателю совершенно непонятно, с кем полемирует автор, когда пишет, что «фронтонные ниши в декоре построек Закавказья не имеют ничего общего с ампириного характера наличниками на русских избах начала XIX века» (стр. 33). Очевидно, здесь идет полемика с П. Дульским, указывавшим на сходство фронтонов с нишеобразными балконами в татарских жилищах с архитектурно-декоративными элементами русского северного зодчества¹³. Подобное сходство не отрицал и Н. И. Во-

⁷ А. А. Шенников. О понятии «этнографический комплекс». — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967, с. 48.

⁸ Т. А. Хлебникова. К истории г. Жукотина (Джуке-Тау) домонгольской поры (по работам 1970—1972 гг.). — «Сов. археология», 1975, № 1, с. 242—249.

⁹ А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, с. 28, 36.

¹⁰ Там же, с. 34.

¹¹ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967, с. 52—65.

¹² Этот рисунок, озаглавленный «Полуземлянка в г. Болгаре XIV в.», приведен в статье А. П. Смирнова и И. Я. Мерперта. См. А. П. Смирнов, И. Я. Мерперт. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья. — «По следам древних культур от Волги до Тихого океана». М., 1954, между 40 и 41 с.

¹³ П. М. Дульский. Указ. раб., с. 10.

робьев¹⁴. Известно, что многие этнографические, архитектурно-декоративные особенности татарских жилищ уже рассматривались предшествующими авторами. Однако об их приоритете в интерпретации описываемых фактов Ф. Х. Валеев умалчивает. Так, например, впервые высказанной идеей звучит у автора объяснение болгарской традицией обычая казанских татар располагать свои дома за оградой. Между тем подобное мнение было уже высказано ранее А. П. Смирновым¹⁵ и А. Г. Бикчентаевым¹⁶.

Нельзя не отметить также, что многие описываемые автором явления, как, например, типы татарских жилищ Заказанья, их конструктивные, архитектурно-декоративные особенности, формы крыльца, ворот, оград и т. д. (стр. 27, 30, 33 и др.) впервые наиболее подробно были освещены в указанных выше работах Н. И. Воробьева.

Вызывает возражение и необоснованная хронологическая характеристика некоторых фактов. Так, автор пишет, что «к концу XVIII в. татарские избы имели уже так называемые «красные» окна с раздвижными рамами. Волоковые окна с бычьими пузырями встречались редко» (стр. 27). Однако ряд авторов конца XVIII — начала XIX в., описавших татарское жилище (Паллас, Лепехин, Лаптев, Толмачев, Сухарев и др.), упоминают на существование окон, обтянутых желудочной плевой животных или рыбьей кожей. Полевые данные последних лет, собранные в селениях Заказанья, свидетельствуют о широком использовании в бедняцких домах этого материала даже в конце XIX — начале XX в. Бездоказательно звучит и утверждение автора о преобладании шестистенных жилищ в деревнях Заказанья во второй половине XVIII в. (стр. 27). Совершенно неясно, на каких источниках основано это суждение. До настоящего времени происхождение и развитие типов татарских жилищ (в том числе и шестистенных), а также их количественное соотношение в определенных хронологических рамках совершенно не разработаны.

Остается сожалеть, что в книге, содержащей описание богатого цветового декора татарского жилища, отсутствуют цветные иллюстрации.

Несмотря на отмеченные недостатки, рецензируемая работа, несомненно, принесет большую пользу как в научном, так и в практическом отношении.

Ю. Г. Мухаметшин

¹⁴ Н. И. Воробьев. Указ. раб., с. 17.

¹⁵ А. П. Смирнов. К вопросу о происхождении татар Поволжья. — «Происхождение казанских татар». Казань, 1948, с. 17, 18.

¹⁶ А. Г. Бикчентаев. Сельское жилище Татарской АССР. Казань, 1957, с. 7.

Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, 201 с.

Комическое, как одна из категорий эстетики и как определенный класс художественных приемов, издавна привлекает особое внимание исследователей. Однако в последние десятилетия область смеха осознается еще гораздо шире — не только как художественный прием, но как важнейший аспект культуры, прямо связанный с другими ее аспектами. Не говоря уже о чисто ритуальном значении смеха в аграрных мистериях и похоронных обрядах многих народностей (часто с целью магической поддержки «нормальной» циклической смены скудного изобильным сезоном, взрождения и воскресения после смерти), в самом примитивном фольклоре мы уже находим мифологических плутов-трикстеров, которые выступают своеобразными шутовскими дублерами «культурных героев», богов-демиургов, первых шаманов и т. д. Мифологический герой (или бог) и «трикстер» могут составить пару персонажей, например двух братьев-близнецов или просто соперников (например, То Кабинана и То Карвуву или Кат и его братья в мифах Меланезии), но могут быть представлены и одним персонажем с двойным лицом (например, Ворон в мифологии камчатских палеоазнаатов и индейцев северо-западного побережья Америки). Трикстер часто синкретически объединяет комическое начало с демоническим (например, То Карвуву не только неумело подражает своему брату, как «дурачок» кроет хижину изнутри и его поэтому мочит дождь и т. п., но также творит зло в мире — смерть, горы, плохих людей; ср. соотношения Прометея и Эпиметея). Такое совпадение демонизма и комизма далеко не сводится к стремлению сделать зло смешным. Смех порождает антимир (об этом, в частности, много говорится в рецензируемой книге), мир «навыорот», но и хтоническое царство мертвых и злых духов во многих мифологиях строится по контрасту: в загробном мире меняются местами день и ночь, зима и лето, правое и левое, виды пищи, видимое и невидимое, что, между прочим, отражается во многих похоронных обычаях. Мир смеха и мир зла созидаются в воображении путем перемены культурных «знаков» на противоположные, при известном сохранении симметрии между объектами «мира» и «антимира». Однако хтонический демонический мир и «смеховой мир» не только зеркально симметричны и наделены обратным знаком, но также противостоят «нормальному» миру, как хаос космосу, как антиструктура структуре. Процесс первичного миротворения в мифологии